
Владимир КОВАЛЕНКО

НЕФОРМАТНАЯ И НЕФОРМАЛЬНАЯ:

атипичные произведения
в мировой литературе

Экспериментальная проза прочно ассоциируется с началом XX века, футуристами и новаторами в искусстве. Но история необычных книг и приемов выразительности в литературе куда старше, чем кажется. Она является чуть ли не ровесником печатного книгоиздания, а может, уходит корнями в рукописную традицию книги. Факты говорят следующее: как только у людей появились возможности, они начали экспериментировать с литературой.

Из статьи вы узнаете о появлении антиромана (еще в XVII веке), об истории экспериментов в литературе, о самых необычных литературных явлениях, о том, как люди дополняли обычный текст изобразительными элементами, о самых удивительных литературных произведениях классики.

Когда мы рассуждаем об искусстве, о том, чем является литература, мы обречены рассуждать о неизмеряемых вещах, проще говоря, об абстракциях. В реальности нам не даны никакие стили, никакие формы и виды искусства — это все мы конструируем. Люди сами определяют жанр, обосновывают его существование и отделяют один от другого. Точнее, не все люди, а те, которым мы делегируем право рассуждать об искусстве. В случае литературы это будут филологи, критики или историки литературы. Об особом влиянии на интеллектуальный процесс представителей тех или иных корпораций (ученых, деятелей искусств) писал очень подробно французский социолог Пьер Бурдьё, поэтому мы не будем здесь отдельно останавливаться.

Можем зафиксировать только, что так происходит во всех сферах человеческого мышления. Любой дисциплине присущ процесс создания и классификации абстракций, без этого она просто не может существовать. Отсюда и произрастают, например, споры по поводу принадлежности творчества к каким-либо направлениям тех или иных поэтов и писателей, тех или иных авторов к разным жанрам — это вечная тема, которая не закончится, как дискуссии по поводу разграничения постмодернистской и постструктуралистской философии.

Говоря о литературе, также опасно принимать устоявшиеся абстракции за определенный, нерушимый фундамент. История литературы через призму филологии строится на выработке литературного канона, условно говоря, отборе каких-либо авторов, которые достойны изучения или не достойны.

Примером здесь может выступить популярность Сергея Есенина и практически полное забвение Николая Клюева. Как так получилось, что Есенин вошел в школьные учеб-

---

Владимир Коваленко — старший преподаватель СЗИУ РАНХиГС, писатель, литературный обозреватель Vatnikstan, победитель форума «Липки-2022», публиковался в журналах «Нева», «Москва», «Дон».

ники, через это получил популярность, а Клюев, этот «патриарх» крестьянской поэзии, собственно, приведший Сергея Александровича на «большую сцену», практически забыт?

Ответ кроется как раз в конструировании того самого литературного канона в СССР, который достался российской школьной программе по наследству. Поэтому, рассуждая о литературе, мы попробуем использовать подход из социальных наук — конструктивистский, применяемый для анализа возникновения народов и культур.

Конструктивистский подход говорит, что все национальные языки и культуры были сформированы благодаря появившимся впервые в истории национальным правительством. Логика простая: литературная норма языка устанавливается в столице и распространяется на всю территорию государства через школы, газеты и... книги. Тем самым диалекты языка вымирают, а устанавливается единая национальная норма языка.

Вот что пишет об этом профессор Корнеллского университета, автор книги «Воображаемые сообщества» Бенедикт Андерсон:

Почему эта трансформация должна была быть так важна для рождения воображаемого сообщества нации, можно будет лучше всего увидеть, если мы рассмотрим базисную структуру двух форм воображения, впервые расцветших в Европе в XVIII в., а именно: романа и газеты. Ведь именно эти формы дали технические средства для «репрезентирования» того вида воображаемого сообщества, которым является нация.

Поэтому литературный канон — это не только про школьный учебник, это про понимание народа о себе самом, он напрямую связан с национальным мифом. Находясь внутри литературного канона, выработанного на рубеже XIX—XX веков и ставшего основой для школьной программы, мы привыкли связывать понятие нетипичной литературы, понятие «антиромана» и графических элементов выразительности с движениями футуристов и литературными экспериментами начала XX века.

Однако это канонизированная призма рассмотрения. Дело в том, что сам по себе термин «Антироман» возник еще в 1633 году. Его использовал Шарль Сорель как подзаголовок своего произведения «Сумасбродный пастух». Дело в том, что еще тогда, в XVII веке, написанное им произведение уже надламывало привычные каноны европейского романа, переосмысляя, цитируя «Дон Кихота» и, что наиболее важно, европейские рыцарские романы. При этом Сорель ведет себя как настоящий постмодернист своего времени: он не столько прибегает к механическому заимствованию, сколько к сатире на сам жанр.

Следующей отправной точкой можно назвать творение Лоренса Стерна, а именно роман «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». Это произведение было опубликовано в 1759 году. И многие вещи, которые мы видим в современной экспериментальной прозе, уже были там, почти 300 лет назад.

Произведение достаточно новаторское. Автор как персонаж ломает четвертую стену и присутствует в самом повествовании, что, как считается, нетрадиционно для того времени. Устоявшаяся структура романов была подорвана, так как Стерн прибег к смешению множества фрагментарных событий, накладыванию нескольких сюжетов друг на друга.

Сама книга — это повествование главного героя Тристрама о своей жизни. Главной особенностью является потоковость: рассказчик не может выдать нам никакую информацию коротко; он постоянно расширяет свое повествование и не может остановиться; по поводу каждой мелочи рассказчик поясняет все необходимые и бесполез-

ные факты. Поэтому, собственно, хронологическое начало романа «наступает» только с середины текста. Кроме основной ветки повествования, в книге присутствует множество отступлений и описаний, никак не соотносящихся напрямую с повествованием о главном герое, и получается, что о биографии самого Тристрама мы узнаем крайне мало. Не напоминает «Дом листьев» Марка Данилевского?

Трудно поверить, но в то время автор уже прибегал к приемам гипертекста, например, подмешивал в структуру множество различных чуждых фрагментов, накладывая множество сюжетов друг на друга. Например, Стерн использовал в своем детище отрывки из «Анатомии меланхолии», «О смерти», а также отрывки из многих других произведений.

Ну и самое важное — графика. Стерн включил в произведение разнообразные визуальные методы: цветная бумага в некоторых эпизодах, пустые страницы, что отражает важность участия читателя в романе, черные страницы там, где был печальный отрывок. Самое удивительное, что назвать это произведение экспериментальным просто невозможно. А знаете почему?

Потому что в то время сами каноны европейского романа только складывались. Еще будет творить Руссо, а после него, почти через сто лет, окончательную форму европейского романа создадут Чарльз Диккенс, Лев Николаевич Толстой и многие другие. Можно сказать только то, что эта книга является отправной точкой для всей истории экспериментальной литературы.

Но как это возможно? В XVIII веке, по убеждению большинства историков литературы и филологов, канон классики только формируется. Как литература может играть сама с собой до оформления классики?

Достаточно революционную идею закладывает американский литературовед, почетный профессор в Университете Вирджинии Патрисия Мейер Спакс в монографии «Начало романа: эксперименты в 18 веке английской литературы».

Одной из ее главных идей является то, что к XVIII веку литература уже начала рефлексировать сама над собой. То есть литература той эпохи уже осмысляла и воспроизводила наследие предыдущих лет. Этот тезис разрушает миф о «классике литературы», демонстрируя, что сама по себе привычная нам классика — это переосмысление литературы более ранних эпох, вплоть до средневековья и античности. Поэтому Мейер Спакс и завершает свою книгу как раз главой о труде Стерна — о романе «Жизнь Тристрама Шенди, джентльмена». Она говорит, что этот роман как раз является более чем нормальным для XVIII века, он является не отклонением, а классикой литературы.

Это подтверждает большое количество примеров — можно вспомнить и роман Дени Дидро «Жак-фаталист и его хозяин», который создан как драматургическое произведение, то есть буквально состоит из реплик. Здесь можно привести и работы Эдгара Алана По. Речь идет о его романе «Повествование Артура Гордона Пима из Нантакета». На этом романе можно остановиться подробнее.

Произведение отличается рыхлой структурой и распадается на две неравные части. Одна часть посвящена описанию событий путешествия, а вторая — фантастическая, связана с идеей полрой земли. Рассказ стилизован под подлинные записки главного героя, повествование ведется от имени молодого жителя Нантакета по имени Артур Гордон Пим. Оформление как первых изданий, так и переизданий сделано в форме, отражающей двухфакторную структуру.

И это все 1838 год. Золотой XIX век классической литературы — буквально год назад трагически погиб Пушкин. Читатель может сказать, что пока автор этой статьи привел только несколько примеров атипичных романов. И правда, на страницах обзорной статьи подробно мы можем описать только несколько произведений. Одна-

ко сейчас в зарубежном исследовательском поле идет пересмотр призмы восприятия классической литературы.

Группы исследователей и энтузиастов находят тексты и актуализируют их, потому что для официальной истории литературы, той самой, которую изучают в школах и университетах, они просто не существуют. Среди недавно найденных атипичных произведений можно назвать повесть, стилизованную под научную статью «Открытие, недавно сделанные сэром Джоном Гершелем, доктором философии, на мысе Доброй Надежды» 1838 года. Повесть была настолько искусно создана (в ней были описаны открытия о том, что люди и животные существовали на Луне), что на короткое время докладу поверили в научных кругах Соединенных Штатов и Европы. Разумеется, когда стилизация вскрылась, был большой скандал, даже в академиях наук.

Здесь можно вспомнить и «Век науки: газета двадцатого века». Повесть, стилизованная под газетные материалы, которая издавалась под псевдонимом «Мерлин Нострадамус», оригинальным автором была Фрэнсис Пауэр Кобб, ирландская журналистка и активистка женского движения. Это фантастическое антиутопическое произведение, описывающее жизнь в XXI веке, изобретение и социальные изменения. Дата газеты — 1 января 1977 года. Самое забавное в наше постковидное время то, что Фрэнсис Кобб описала, что медицина в будущем особенно могущественна и парламент полностью состоит из медиков, которые действуют в своих собственных интересах. Людей казнят за такие ереси против науки, как гомеопатия, религия и отказ от вакцинации.

Сюда же можно отнести труд Эдварда Бульвер-Литтона «Странная история», которая публиковалась в журнале Диккенса круглый год с августа 1861-го по март 1862 года под названием «Автор моего романа Риенци». Она вышла отдельной книгой в 1862 году с предисловием, добавленным по предложению Диккенса. Рассказчик и главный герой Аллен Фенвик — врач и научный исследователь экстраординарных явлений. Роман представляет собой последовательный диалог между его собственным рациональным материализмом и персонажами, выражающими противоположные взгляды на реальность. Этот диалог помещает странную историю в контекст дебатов середины века о месмеризме и связанных с ним проблемах, включив многочисленные намеки на литературные и научные труды, сопоставление которых иллюстрируется в двух сносках.

Примеров подобных трудов — большое количество. Существуют даже специальные альманахи, чья цель состоит в поиске, исследовании и актуализации утраченных атипичных текстов.

Можно сказать, что современное восприятие истории литературы опирается на канон, ориентированный на «классическую» литературу, на всем знакомый текст, рассказывающий про героя, его историю, «дугу характера», завязку, кульминацию и прочее. Нетипичным, экспериментальным и необычным форматам подачи истории обычно уделяется очень мало внимания. А вспоминают об этом только в рамках футуризма, авангардизма или современных явлений, вроде книг Марка Данилевского.

Однако мировая литература хранит большое количество образчиков уникального подхода к тексту как к линейному повествованию, как совокупности приемов образительности, где картинки, текст, верстка, стилизация являются способом донести смысл. Можно пойти еще дальше и вспомнить древние индийские вееры в виде книг или чворогранистые стихи Симона Полоцкого и т. д. Оформления текста, который сейчас начинает актуализироваться и становится нормальным, использовали и такие классики, как Милош Црнянский, Павел Зальцман, Хулио Кортасар, Станислав Лем, Милорад Павич и многие другие.